

3. Haarmann H. Weltgeschichte der Sprachen. Von der Frühzeit des Menschen bis zur Gegenwart. Munich: Becksche Reihe, 2006.
4. Haugen E. The Ecology of language. Essays by Einar Haugen. Stanford: Stanford University Press, 1972.
5. Haugen E. The Ecology of language. In: Fill A., Mühlhäusler P. The Ecolinguistics Reader. Language, Ecology and Environment. London, New York, 2001.
6. Шапочкин Д. В. Политический дискурс: когнитивный аспект: монография. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2012. 260 с.

Д. Е. ЭРТНЕР

ЭКОСТИЛИСТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРОСТОРЕЧНЫХ ФОРМ ТЕКСТОВОГО ПРОСТРАНСТВА

АННОТАЦИЯ: *Статья посвящена интерпретации просторечных форм в пространстве поэтического текста. Лексика сниженного регистра формирует дополнительные смысловые нюансы, служит средством кодирования культурной информации, получает новые преломления смыслов в языке перевода.*

SUMMARY: *The article is devoted to the interpretation of common language forms in literary discourse. Common language forms create specific mechanisms determining the nature of thought and speech. Being part of a literary text, common language forms build a special cultural code, which has various means of verbalization in the translations of the poetic texts.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *просторечная форма, художественный текст, метафорическое моделирование, интерпретация.*

KEY WORDS: *a common language form, metaphoric modeling, literary text decoding.*

Просторечная лексика находит свое отражение как в живом общении, выступлениях политических деятелей, так и в ткани художественного произведения.

Разговорные формы раскрывают не только специфику языковой организации, но отражают в своей семантике процесс развития истории и культуры народа, фиксируют и передают от поколения к поколению культурные установки и стереотипы. Изучение разговорного пласта лексики позволяет составить представление о наиболее важных концептуальных доминантах языковой картины мира, позволяет по-новому интерпретировать особенности национально-культурного мировосприятия.

Известный философ Владимир Соловьев утверждал, что каждый человек должен владеть тремя стилями речи. Высоким, чтобы обращаться только к Богу, средним, чтобы общаться с собеседником, и низким, в монологе с самим собой [Цит. по Лосев, 2009: 315]. Однако, как неоднократно отмечают исследователи, последние десятилетия высокий стиль у нас исчез, средний занял

место высокого, а низкий — стал средним [Вербицкая, 1993: 28]. Это справедливо и для художественного текста, и для переводов художественной литературы. Происходит своего рода культурная адаптация образных элементов посредством просторечных форм.

Если применительно к языку в целом вопрос формирования литературной нормы и ее развития за счет ее замещения разговорной нормой носит дискуссионный характер, то, говоря о художественном тексте, проблема не может быть просто сведена к противопоставлению общеразговорной лексики и литературной нормы. Скорее мы можем описать эту систему в терминах моделирования. Просторечия, являясь частью повседневного быта, формируют специфические механизмы, определяющие мышление и характер речи. Данные языковые единицы кодируют наше восприятие окружающего мира, так что лексика сниженного регистра характеризует уже не определенную социальную группу, а скорее определенную коммуникативную ситуацию (функция стилистической окраски) [Лотман, 2000: 620].

Художественный текст, в принципе, использует возможность оперировать понятиями разных уровней: от общеупотребимых единиц, соответствующих литературной норме, до просторечных форм и выражений. Принято считать, что перенасыщенность разговорными клише, низкого регистра речи принижает и весь текст. Но, зачастую, компелляция языковых единиц разных стилистических регистров рождает индивидуальный стиль автора, может передать дух целой эпохи, уникальность той или иной страны, культуры [Лотман, 2002: 421]. В этой связи особого интереса заслуживают русскоязычные переводы поэзии известного шотландского поэта Роберта Бернса, чьи поэтические произведения изобилуют просторечиями и вульгаризмами. Творя на стыке Просвещения и Романтизма, поэт использует пасторальную традицию, романтизируя ее посредством неожиданного смешения стилей, рисуя образы при помощи просторечных форм. Перевод стилистически окрашенной лексики в силу своей национальной специфичности, семантического богатства, принадлежности к определенному стилю, эмоциональной насыщенности, несомненно, вызывает определенные трудности, поэтому рассмотрение способов перевода разговорной и стилистически сниженной лексики на русский является несомненно актуальным.

Так, переводчики, адаптируя его поэтические просторечные коды, встраивая образы поэта-пахаря в ассоциативный контекст «современной» русской культуры, иногда прибегают к использованию не просто просторечий, а выражений, зачастую приближающихся по своей стилистике к блатному сленгу. «Мы не должны забывать, что в переживаемое нами время нам необходимо упражняться и совершенствоваться именно в виселичном юморе. А то без этой поддержки нам просто пришлось бы отчаяться и повеситься», — писал И. А. Бодуэн де Куртенэ в предисловии к словарю В. Ф. Трахтенберга «Блатная музыка», изданному в Санкт-Петербурге в апреле 1908 г. в типографии А. Розена [Бодуэн де Куртенэ, 1908: 6]. Сейчас мы не будем говорить об уместности данных конструкций вообще, заметим только, что, не смотря на негативное отношение к подобной лексике в обществе в целом, поэтический

текст, приобретает особую стилистическую и культурную направленность, свою изюминку и индивидуальность:

Эдибуржанки косили под француженок... [Бернс, 1999:154].

Словоформа «косить под кого-то» (подражать) обладает в русскоязычном сознании особой коннотативной спецификой, которая одновременно включает в себя экспрессивную оценочность и, совместно с другими просторечными формами, пронизывают весь текст, моделируя усовершенствованный словесный каркас. Объем значения расширяется не только на семантическом уровне, но происходит своего рода «перекодировка» эстетических ценностей. В поэтическом тексте подобная лексика становится особым механизмом, сменяющим код языковой единицы и трансформирующий сугубо русскую просторечную словоформу в специфическую реалию, передающую колорит другой культуры. А в силу присущей ей экспрессивности и встроенности в коммуникативную модель, благодаря переплетению с общелитературными формами, способствует множественности интерпретаций:

Но коли зенки ты зальешь
прокисшим старым зельем,
Весь околоток заблудешь,
не справишься с похмелем [Бернс, 1999:520].

В художественном тексте сленговое выражение «залить зенки», (напиться) не актуализирует сферу своего повседневного использования, а, напротив, интерпретируется как особый, яркий стилистический прием. В частности данная форма построена на метафорическом переносе. Человек представляется как некий контейнер, резервуар, в который заливается жидкость (алкоголь). При этом словоформа «зелье», имеющая мифологическую семантику, в просторечном контексте трансформируется в «алкоголь не лучшего качества». Ярko прослеживается общий отрицательный коннотативный фон. «Зенки — глаза» вербализуют метонимическую модель «человек — часть тела человека», ведь именно по глазам можно сказать, что человек пьян. Эклектичное смешение разных слоев лексики позволяет просторечиям функционировать в качестве стилистических средств, обладающих ярким, образным, экспрессивно-оценочным потенциалом.

Современные переводчики по-новому интерпретируют уже существующие образы, создавая интересные переплетения смыслов. Так, «А потому — оставь алчбу» в контексте с примерами, рассмотренными выше, интерпретируется в современном русском языке как неологизм, построенный на основании уже существующих форм, и языковых законов и приобретает значение «выпивки». Между тем, изначально, «алчба» это устаревшее слово, имеющее исконно русскую природу (жаждать, стремиться). Происходит не только сужение понятия, но и полная трансформация значения, перенос в новую смысловую сферу. Устаревшая, вышедшая из обихода форма получает новую жизнь, увеличивая объем словарного значения, заново кодируя актуальное восприятие посредством перехода от высокого стилистического регистра к низкому.

Хотя понятно, — не подмажь —
лошадка не поскачет... [Бернс, 1999:284].

Утрированно разговорная форма «подмазывать» в значении «подкупить, дать взятку» в поэтическом тексте так же получает свое смысловое развитие и воспринимается как специфическое стилистическое средство создания образа. Переключение регистров становится когнитивным механизмом, благодаря которому просторечные, разговорные формы получают свое развитие, органично встраиваясь в систему языка, насыщая литературный язык экспрессивными кодами, благодаря семантической компрессии и, заключенной в них, звуковой полифонии.

Ироническое моделирование является одной из наиболее распространенных сфер применения просторечий в художественном тексте. Трансформация, построенная на смешении лексических знаков разных стилей, приводит к тому, что данные выражения практически невозможно вырвать из контекста, они становятся фоно-детерминированными:

Нам красно-синие цвета завещаны веками.

А на побитых гамма та проступит синяками [Бернс, 1999:332].

Изначальная пафосность речи: «гамма», «завещанный», «века» — снижается за счет иносказательного противопоставления цветов национального флага и синяков, полученных в драке. В основе иронии лежит метафорический образ, построенный на цвете. Подобная лексическая и семантическая комбинаторика оживляет контекст, насыщая его новыми оттенками эмотивной окрашенности.

Комбинирование слов разных стилистических регистров способствует двойственному осмыслению: «Омары ножками сучат и краб крадется...» [Бернс, 1999:338]. Иронический подтекст проявляется благодаря компелляции просторечной формы глагольной конструкции «сучить ножками» (быстро перебирать) и номинации деликатеса, типичного для высших слоев населения (омары). Образ становится более рельефным, выпуклым, визуальный ряд насыщается новыми экспрессивными нюансами.

Просторечные формы, таким образом, лежат за пределами нормы (построены по нормативным законам, но нарушают их). Однако речь идет не об обеднении литературной нормы, ее упрощении, а о новом развитии языковых форм, происходящем за счет применения стилистических приемов, позволяющих выйти за пределы предсказуемости. Противопоставляемые стилистические регистры меняются доминирующими признаками и, в результате, слова высокого регистра занижаются, а просторечные формы переходят в разряд стилистических механизмов создания образа.

Как можно заметить, большинство трансформаций происходит в семантических сферах «Человек» — «Человек», таким образом, актуализируется бытовая реализация, опредмечивание романтических образов. Ироническое соположение стилистических регистров, тропеическое моделирование просторечий, актуализируют и применение метафорических конструкций: «Зато стригут нас как овец жестокие налоги», «Вода стоячая в болоте — душа у вас», зооморфных метафор применительно к сфере-источнику «Человек»: «вошь», «собака», «свинья». В результате общий набор смысловых различий все время обогащается за счет новых и новых смысловых оттенков.

Переводчики активно используют ресурсы разговорной речи, и именно это сочетание разговорности и книжности придает языку Р. Бернса его специфичность и своеобразие. Разговорный характер языка поэта обнаруживается в словарном составе и образных средствах его произведений. Здесь обращают на себя внимание слова и выражения разговорного, фамильярного, а иногда — и грубоватого, вульгарного стиля. В то время как в русскоязычных переводах они большей частью передаются при помощи лексики сниженного регистра, а в современных переводах и апеллируют к тюремному жаргону. Вместе с тем, для ранних переводов произведений Бернса на русский язык характерны такие стилистические модификации, как замена лексем с разговорной функционально-стилистической окраской, нейтральными и даже книжно-письменными словами. Можно отметить также, что грубо-просторечные лексемы (вульгаризмы) хотя и переведены соответствующими сниженными элементами, тем не менее, эти переводные эквиваленты в стилистическом отношении оказываются более высокими, чем единицы оригинального текста.

Таким образом, просторечные формы строятся на семантизации окружающей человека действительности, создавая единый культурный код, предполагающий синтез понятий: просторечия как языковой механизм и просторечия как средство языковой экспрессии. В силу своей экспрессивной природы они являются неотъемлемой частью языка, обогащающей его коммуникативную систему, и искоренение их невозможно. Просторечия являются особым механизмом активации мифологического пласта в структуре культуры и текста.

Кроме того, поднимая вопрос о засилии сленга и разговорной лексики в современном русском языке, стоит вспомнить слова А. С. Пушкина: «Истинный вкус состоит не в безотчетном отвержении такого-то слова, такого-то оборота, но в чувстве соразмерности и сообразности» [Пушкин, 1954:115]. Вытеснение высокого регистра речи и замена его на нейтральный, а иногда и разговорный (например, речь политиков) вызывает серьезные опасения, но, возможно это необходимый этап развития языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бернс Р. Собрание поэтических произведений. М.: «РИПОЛ КЛАССИК», 1999. 704 с.
2. Бодуэн де Куртенэ И. А. Предисловие к словарю В. Ф. Трахтенберга «Блатная музыка». СПб., 1908.
3. Вербицкая Л. А. Давайте Говорить правильно! М., 1993.
4. Лосев А. Ф. Владимир Соловьев. М., 2009. 656 с.
5. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб., 2000. 704 с.
6. Лотман Ю. М. История и типология русской культуры. СПб., 2002. 768 с.
7. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. 1954. Т. 1. 425 с.